

Человек из солидарности

В СВОЕМ ПОСЛЕДНЕМ ФИЛЬМЕ АНДЖЕЙ ВАЙДА ВЕРНУЛСЯ
НА 25 ЛЕТ НАЗАД — К ИСТОКАМ НЫНЕШНИХ ПЕРЕМЕН

КИНО

Валерий МАСТЕРОВ

собкор «МН», Варшава

В только что вышедшей в издательстве «Вагриус» книге Анджея Вайды «Кино и все остальное» знаменитый режиссер вспоминает о работе в театре и кино, высказывает свое отношение к истории, политике и власти. В «Неожиданный эпилог», которым дополнено русское издание, Вайда включил дневниковые записи прошлого года, когда он работал над постановкой «Бесов» в «Современнике». Дьявольская книга Достоевского, считает он, дала о себе знать и теперь. День первой репетиции ознаменовался трагическим терактом в московском метро, во время премьеры запылял пожар в Манеже.

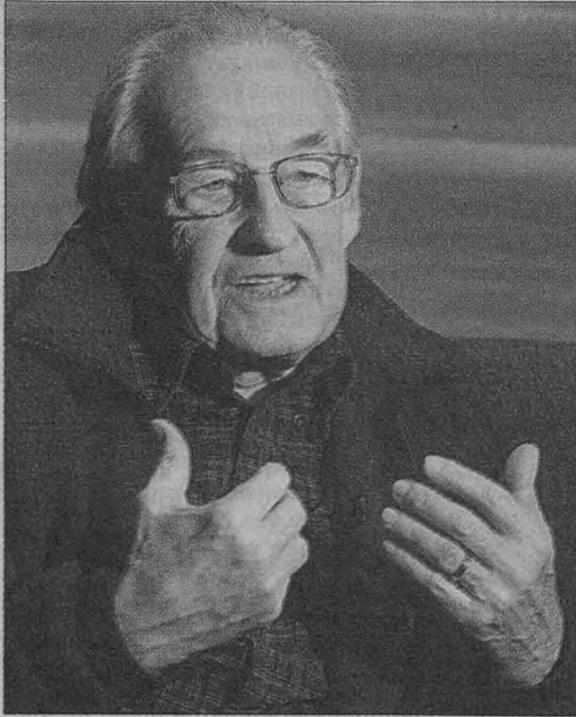
О драматических событиях новейшей польской истории рассказывает выпущенный в этом году фильм Анджея Вайды «Человек из надежды» — вклад режиссера в проект «Солидарность», который представляет собой своеобразный кинопортрет из 13 короткометражек, снятых известными польскими кинематографистами.

— Пан Анджей, как родился замысел фильма «Человек из надежды»?

— В начале 80-х Лех Валенса прислал мне на день рождения телеграмму, где написал, что после «Человека из мрамора» и «Человека из железа» ожидает от меня «Человека из надежды». Эта идея так засела в моей голове, что я не мог от нее отделаться. Было даже несколько сценариев на эту тему. Но до фильма дело не дошло. Менялось время, но главное — менялась «Солидарность». Из массового общественно-политического движения, к которому примкнули миллионы человек разных профессий и взглядов, она превратилась в профсоюз, с чего, собственно, и началась. Некогда сплоченные ряды сторонников свободы и независимости оказались разобщенными, в стране ввели военное положение, и «Солидарность» запретила. Она не могла участвовать в социальных преобразованиях, что фактически перечеркнуло договоренности с властью, достигнутые в августе 1980 года.

— И вы сочли нужным рассказать об этом с экрана?

— Не могло быть иначе. Польское кино тоже благодарно «Солидарности»: в программу ее деятельности были вписаны не только экономические, но и политические требования. Например, борьба с цензурой. Хотя, как известно, нельзя дважды вступить в ту же реку, для размышлений о прошлом времени я пригласил из сегодняшнего дня главного героя тех событий и участника фильма «Человек из железа» Леха Валенсу и исполнителей главных ролей Ежи Радзивилловича и Кристину Янду. Лех делал упор на трудности, с которыми «Солидарность»

MAN OF IRON

Historical Story of Solidarity & Wojtyła's Journey

После «Железа» пришла «Надежда»

столкнулась после победы в политической, а особенно в экономической сферах. А мы задумываемся: не были ли упущены надежды именно тогда, когда надо было совместить интересы многих общественных групп. «Человека из надежды» можно в какой-то степени считать постскриптомом к тому времени и к «Человеку из железа».

— В книге «Кино и все остальное» вы пишете, что «Человек из железа» был единственным вашим фильмом, сделанным по заказу.

— Это так. Когда меня пропускали на охваченную забастовкой территорию Гданьской судовой верфи, один из рабочих, стоявших у ворот, крикнул мне: «Сделайте фильм о нас — «Человек из железа!» Судостроители хорошо знали моего «Человека из мрамора» и хотели продолжения.

— А как вы оказались на «захваченной территории», которую строго охраняли бастующие?

— В кульминационный момент забастовки и в канун подписания со-

глашений с правительством я прилетел в Гданьск. Согласие пройти на территорию судовой верфи я получил от забастовочного комитета без проволочек. Телевизионных камер там не было. «Телевидение жжет!» — скандировали бастующие. А кинокамеры впустили, потому что кинематографисты были и раньше в гуще событий во всех горячих точках Польши, где проходили кровавые столкновения противников режима с милицией и органами безопасности. Позже судовой верфью и участником тех событий помогли мне во время съемок «Человека из железа». Тогда же я впервые встретился с Валенсой, познакомился с его советниками — профессором Геремеком и Тадеушем Мазовецким, который впоследствии стал первым некоммунистическим премьером.

— Почему вы так спешили, снимая «Человека из железа»?

— Я был убежден, каким бы громким эхом в мире ни отозвались события в Польше, долго продолжать-

ся они не смогут. Рычаги власти обязательно придут в движение. Фильм надо делать в ближайшие месяцы, потом шансов не будет. Неприятности начались уже при утверждении сценария. Руководители студии «Х» и министерства культуры просили нас быть умеренными в представлении нелегальной оппозиции и служб милиции и безопасности. Когда фильм был готов, список претензий у приемной комиссии возрос непомерно. Вырезать целые эпизоды я не согласился, лишь учел несколько поправок. Под давлением «Солидарности» и крупных предприятий «Человек из железа» был направлен на Каннский фестиваль и получил главный приз. Это было для меня необыкновенным переживанием. Значит, кино сумело отразить историческое событие мгновенно, а не годы спустя.

— Помните восторженную толпу, встречавшую вас в варшавском аэропорту?

— Помню даже шампанское в высоком кабинете министерства культуры. Но это ничему не помогло. Перед выходом фильма на польский экран мне выдвинули 21 требование, ровно столько, сколько в свое время «Солидарность» предъявила властям. Но после Канн я уж тем более ничего не собирался переделывать. Фильм с большим трудом, опять при помощи «Солидарности», пробил дорогу на польский экран, с которого потом его постепенно стали снимать, а с введением 13 декабря 1981 года военного положения и вовсе запретили.

— Однако его только в Польше успели посмотреть пять с половиной миллионов зрителей.

— Каждый хотел увидеть то, что происходило на глазах жителей Гданьска и его окрестностей. И услышать то, о чем не было принято говорить открыто с телеэкрана или с газетных страниц. И, конечно, я с волнением следил за тем интересом, с которым фильм принимали в других странах.

— В канун юбилея «Человека из железа» говорили, что вы никогда не были так близки современности, как в этом фильме.

— Наверное, это так. Я уже тогда отвечал на поставленный самому себе вопрос: может ли режиссер создать не документальный, а художественный фильм о событии, которое разворачивается перед его глазами. Все было сделано вовремя и оказалось на месте. Кристина Янда написала в своей книге, что для нее «Человек из железа» стал школой общественного и патриотического воспитания. И в этом нет ничего тенденциозного, в чем меня позже пытались упрекнуть. Это была правда жизни. Рентген, который просветил всех нас.

— Чем вы собираетесь сейчас заниматься?

— Возвращаюсь к катынскому проекту. Надеюсь, что в начале следующего года начну съемки фильма о трагедии, которая коснулась тысяч поляков, в том числе и моей семьи. Хочу, чтобы это был фильм, скорее, психологический, нежели политический.

14 декабря президент РП Александр Васьневский вручил Анджею Вайде Большой Крест ордена Возрождения Польши «За выдающиеся заслуги в польской культуре и достижения в художественном творчестве». «Московские новости» поздравляют своего давнего друга и желают ему дальнейших успехов.